

Как Гриценко учился по-гречески говорить

Мы не так часто видели замечательного вахтанговского актера Николая Олимпиевича Гриценко на кино- и телеэкранах. Но все, что он делал, всегда было со «знаком качества», начиная с его первой роли Коли в знаменитом фильме Ю. Райзмана «Машенька». Запомнился его Рошин в трилогии «Хождение по мукам», завлукбон Вениамин Семенович в «Большой семье», Коренин в «Анне Карениной», Сперанский в «Адъютанте его превосходительства», немецкий генерал в «Семнадцати мгновениях весны», Николай Антонович в «Двух капитанах».

Я спросил как-то Гриценко, как ему, театральному актеру, работает в кинематографе, в чем он видит разницу.

- Когда я впервые снимался в «Машеньке», то не сразу мог отвыкнуть от «условности» театра и перед кинокамерой терял ощущение атмосферы событий. Но постепенно привык к «правдивости» кино. А в театре излишняя правда может

испортить все впечатление. Главное, чтобы в пьесе действовал живой человек, а не актер со своим амплуа. Еще Чехов писал, что на сцене театра можно показывать все, кроме родов. Нет, на мой взгляд, в театре не должно быть такой «правды жизни», как в кино. Я читал, что папа римский Иннокентий X, посмотрев на свой портрет, сделанный Веласкесом, сказал ему: «Слишком правдиво!»

В 1964 году я попал в Театр Вахтангова на репетицию, которую проводил с Гриценко сам Рубен Симонов. Театр тогда только что вернулся из Греции, страны многовековых театральных традиций, куда он был приглашен на празднование двух с половиной тысяч лет существования театра. Там вахтанговцы впервые показали за рубежом свою знаменитую «Принцессу Турандот».

Рубен Николаевич рассказывал о гастроях:

- Греческий зритель хорошо принял наш спектакль. Публика с восторгом следила за импровиза-

циями вахтанговцев, когда они делали вставки, обращаясь к зрителям на их родном языке. А ведь актеры, узнав, что придется говорить по-гречески, сначала разволновались. Особенно расстроился наш уважаемый Николай Олимпиевич, так как именно у масок, одну из которых исполнял Гриценко, было очень много текста... Можно рассказать прессе твой «секрет»? - спросил улыбающийся Симонов у актера. - Тарталья - Гриценко начал усиленно зубрить текст, повторяя: «Братцы, не успею, я и по-русски-то с трудом его запоминаю, а тут по-гречески!»

Перед первым спектаклем Николай Олимпиевич очень нервничал. Два акта провел нормально, а в третьем растерялся, подолгу выдерживал паузы. Все время подбегал к суфлеру, приносил в зал подсказанный текст и ... снова забывал. Партнеры пытались ему помочь, но он тихо отвечал: «Я сам, я сам». Когда паузы стали слишком затягиваться, стоящие рядом актеры прошептали ему: «Переходи на русский!» Но Николай Олимпиевич вдруг поблелел и тихо спросил: «А по-русски-то как?» Зрители, поняв, что происходит с актером, весьма доброжелательно смеялись и пытались хором подсказывать ему на своем языке, а Николай Олимпиевич отвечал в зал: «Нет, не такие слова, не то...»

Но в один прекрасный день радостно сообщил: «Греческий текст реприз первого акта я записал на обшлага рукава, второго - на другом, на отворотках костюма и даже на галстуке. Буду читать, как школьник на экзамене, по шпаргалке...»

Борис ВИЛЕНКИН.
На снимке: Р. Симонов и Н. Гриценко на репетиции. 1964 год.
(Публикуется впервые).
Фото автора.